

АМАЛИЯ ЦЕЙЛОНСКАЯ

18+

ДРАКОН
НАПРОТИВ

Амалия Цейлонская

Дракон напротив

«Издательские решения»

Цейлонская А.

Дракон напротив / А. Цейлонская — «Издательские решения»,

Азалея ля Роз — хозяйка книжной лавки с кофе. Она ценит предсказуемость. Но всё меняется, когда в здание напротив въезжает новый сосед. Орион де Мортейн — антиквар, провокатор и последний дракон Парижа. Его вывеска слепит глаза, его клиенты паркуют василисков у её дверей, а по ночам он включает древнюю музыку. Война начинается с записок на дверях. Но чем дольше они воют, тем очевиднее: за ненавистью скрывается нечто иное. А когда кварталу угрожает снос, Азалея и Ориону приходится объединиться.

© Цейлонская А.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. День, когда всё рухнуло	6
Глава 2. Война витрин	12
Глава 3. Инцидент с экипажем	19
Глава 4. Кофе как оружие	27
Глава 5. Шумовая атака	33
Глава 6. Книга «Укрощение огнедышащих»	39
Глава 7. Битва за тротуар	45
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Дракон напротив

Амалия Цейлонская

© Амалия Цейлонская, 2026

ISBN 978-5-0071-0115-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. День, когда всё рухнуло

Утро Азалеи ля Роз началось ровно в шесть часов пятнадцать минут — как и каждое утро последних семи лет.

Она поднялась без будильника. Тело давно привыкло просыпаться само, опережая даже лучи солнца, которые только начинали пробиваться сквозь кружевные занавески её квартиры над книжной лавкой. Шесть сорок пять — она уже стояла у зеркала, закалывая каштановые волосы в тугий узел на затылке. Никаких свободных прядей. Никакого легкомыслия. Вдовый узел, как называла его мадам Трюффо из булочной напротив. Азалея не была вдовой. Она была просто женщиной, которая не любила, когда что-то лезет в лицо во время работы.

Семь пятнадцать. Чайник вскипел. Чашка чёрного чая — не кофе, кофе она оставляла для покупателей, — два тоста с маслом и абрикосовым джемом. Ровно три минуты на завтрак. Семь восемнадцать — спуститься по винтовой лестнице в лавку. Проверить, ровно ли стоят книги на полках (ровно). Протереть стойку из тёмного дуба (уже блестит, но ещё раз не повредит). Запустить кофемашину — допотопный агрегат марки «Фаэтон-2», который шипел и плелся паром, но варил лучший эспрессо на всём Монмартре.

Семь сорок пять. Перевернуть табличку на двери с «Fermé» на «Ouvert». Впустить в лавку утро.

Этот ритуал был её щитом, её бронёй, её частоколом против хаоса. В мире, где магия соседствовала с электричеством, где по улицам цокали копытами лошади и изредка пролетали, задевая крыши, почтовые виверны, — в этом мире Азалея ля Роз создала островок предсказуемости.

И она была счастлива. Действительно счастлива.

До того самого дня.

В семь тридцать девять утра, когда Азалея как раз пересчитывала мелочь в кассе и предвкушала первый глоток приготовленного для кого-то другого эспрессо, тишину Рю-де-Флёр разорвал звук.

Не просто грохот — событие.

Сначала раздался низкий, утробный гул, от которого задрожали стёкла в витрине. Затем последовал металлический скрежет — словно кто-то вколачивал гвоздь размером с телеграфный столб прямо в небеса. А затем наступила тишина. Густая, звенящая, полная ожидания.

Азалея замерла с монетой в пальцах.

Затем она медленно подняла глаза к окну.

И увидела это.

Напротив, через узкую брусчатку Рю-де-Флёр, в здании, которое пустовало последние полгода — с тех пор как старый часовщик мсье Леклерк переехал к дочери в Бордо, — кто-то водрузил вывеску.

«Мортейн. Реликвии и Древности».

Буквы были вырезаны из тёмного металла и светились изнутри. В прямом смысле — они полыхали магическим огнём, переливающимся оттенками пламени. Но худшим был цвет фона. Ядовитая киноварь — кричащий, вульгарный оттенок, который, казалось, орал на всю улицу: «Смотрите на меня! Смотрите на меня!»

Азалея поставила монету на стойку.

Она не была вспыльчивым человеком. Вспыльчивость подразумевала спонтанность, а спонтанность была врагом порядка. Но эта вывеска... эта вывеска была личным оскорблением. Она не просто привлекала внимание — она перетягивала его на себя, как пьяный тенор перетягивает одеяло в дешёвой гостинице. Хуже того: под магическим углом, под которым висела эта... эта... вещь, солнечный свет отражался прямо в витрину «Кофе & Фолиант», превращая уютный полумрак лавки в сцену для допроса.

Азалея сняла фартук.

Она не пошла — она вышла. Тем шагом, которым ходят женщины, уверенные, что правота марширует впереди них с развёрнутым знаменем.

Улица встретила её запахом свежего круассана из булочной мадам Трюффо и лёгким озоном — следом недавно пролетевшего экипажа. Азалея пересекла брусчатку, стараясь не замочить подол платья в лужице от утреннего полива, и остановилась перед дверью «Мортейна».

Дверь была приоткрыта.

Изнутри доносился запах. Станный запах — древней пыли, старого дерева, чего-то металлического, как монеты, пролежавшие в земле тысячу лет, и... дыма. Не едкого, а сладковатого, словно где-то в глубине здания горели не дрова, а сухие травы.

Азалея толкнула дверь.

— Прощу прощения! — её голос прозвучал громче, чем она рассчитывала. — Здесь есть хозяин?

Тишина.

Она сделала шаг внутрь. Лавка была заставлена ящиками, коробками, какими-то закутанными в ткань предметами, напоминающими скелеты мебели. В углу громоздилось зеркало в человеческий рост, затянутое паутиной — живой, светящейся, явно магической. С полки на неё уставился пыльный бюст какого-то древнего философа, чьи каменные глаза, казалось, следили за каждым её движением. В воздухе плавали пылинки, но не обычные — они мерцали, как крошечные звёзды.

— Я, кажется, закрыл дверь, — раздался голос сзади. — Или вы всегда входите без стука?

Азалея резко обернулась.

И замерла.

Он стоял в дверном проёме, ведущем, видимо, в подсобку. И он был...

Азалея моргнула.

Высокий. Слишком высокий, чтобы не смотреть на него снизу вверх. Чёрные волосы — растрёпанные, словно их только что трепал ветер, хотя на улице было тихо. Скулы острые, как лезвия. Нос с лёгкой горбинкой. И глаза — зелёные. Но не просто зелёные, как трава или изумруды. Это был цвет старого вина в бутылке, если смотреть сквозь стекло на огонь. Глубокий, с золотыми искрами на дне.

На нём была белая рубашка. Расстёгнутая. Не на одну пуговицу — небрежно, а на три, открывая загорелую кожу и линию ключиц, которая уходила вниз, туда, где ткань всё-таки смыкалась, заправленная в тёмные брюки. Рукава закатаны до локтей. На левом предплечье темнела татуировка — переплетение линий, напоминающее то ли драконью чешую, то ли готическую вязь.

Он смотрел на неё сверху вниз. И улыбался.

Нет. Не улыбался. Ухмылялся. Так, будто всё происходящее — её гнев, её решительный вид, её руки, сжатые в кулаки, — было спектаклем, поставленным специально для его развлечения.

— А, — протянул он низким, грудным голосом, в котором слышалась лёгкая хрипотца. — Соседка. А я всё думал, когда ты придёшь.

Азалея почувствовала, как внутри что-то закипает. Не от страха — от раздражения. От этой ухмылки. От этого «ты» вместо «вы». От того, что он стоял перед ней, расстёгнутый, как после постели, и смотрел так, словно она была не хозяйкой бизнеса, а десертом, который ему только что подали.

Она выпрямилась. Она была ниже его на целую голову, но это не имело значения. Рост не важен, когда у тебя есть принципы.

— Ваша вывеска, — произнесла она ледяным тоном.

— Моя вывеска, — повторил он, не сводя с неё взгляда. Уголок его губ дёрнулся.

— Она слепит.

— Слепит?

— Яркая. Кричащая. Вульгарная. — Азалея чеканила слова, как монеты. — Она отражает свет прямо в мою витрину. Мои клиенты — люди, которые ценят тишину, покой и полумрак. Они приходят ко мне за уединением, а не за приступом мигрени.

Мужчина — Орион, надо полагать, хотя он не представился, — скрестил руки на груди. Движение заставило рубашку натянуться на плечах. Азалея отвела взгляд строго на дюйм левее его лица.

— Ваши клиенты, — проговорил он задумчиво, — приходят к вам за уединением? Или за тем, чтобы уснуть над книгой? Потому что, судя по тому, что я видел из окна, они преимущественно клюют носом.

Её глаза сузились.

— Вы следили за моими клиентами?

— Трудно не следить, когда ваша витрина — как аквариум. Маленький, уютный, полный сонных рыбок.

— Моя витрина, — отрезала Азалея, — оформлена со вкусом. В отличие от некоторых.

Орион бросил взгляд через плечо, на свою ещё не разобрannую лавку, затем снова на неё.

— Вы находите мою вывеску... вульгарной?

— Я нахожу её оскорбительной для глаз и для улицы в целом.

— Хм. — Он потёр подбородок. — А мне казалось, что «киноварь» — это страстно. Драматично. В этом есть огонь.

— В этом есть пожар, — парировала Азалея. — А пожары тушат.

Повисла пауза. Орион смотрел на неё, и в его зелёных глазах плясали те самые золотые искры. Она ожидала, что он начнёт спорить, оправдываться, может быть, даже нахамить в ответ. Но вместо этого он вдруг улыбнулся — на этот раз по-настоящему, широко, обнажая ровные белые зубы.

— Азалея ля Роз, — произнёс он, и её имя прозвучало в его устах как-то иначе. Теплее. Опаснее.

Она моргнула:

— Откуда вы знаете моё имя?

— Я навожу справки о соседях. Это элементарная вежливость. — Он склонил голову к плечу. — Азалея. Цветок, который цветёт в тени. Предпочитает кислую почву и прохладу. Не выносит прямых солнечных лучей.

— Вы увлекаетесь ботаникой?

— Я увлекаюсь всем, что красиво и колется одновременно.

Азалея сжала зубы. Он играл с ней. Как кошка с клубком ниток — не для того, чтобы поймать, а чтобы посмотреть, как далеко она закатится.

— Я требую, — произнесла она, восстанавливая дистанцию, — чтобы вы заменили вывеску. Или хотя бы убрали магическую подсветку.

— Требуете?

— Прошу.

— Ах, просите. — Он сделал шаг ближе. Не угрожающий, но... присутственный. Она почувствовала запах — тот самый, дымный и сладковатый, как сухие травы на огне. — Жаль. Когда вы требуете, у вас так очаровательно раздуваются ноздри.

Азалея покраснела. Не от смущения — от ярости.

— Вы невыносимы.

— Я знаю. — Он наклонился чуть ниже, так что его лицо оказалось вровень с её лицом. Теперь она видела золотые искры отчётливо — они не были игрой света. Они двигались. Живые. — Но вывеску я не уберу.

— Почему?

— Потому что она нравится мне.

— И этого достаточно?

— Более чем, — он выпрямился. — Кроме того, цветок в тени... иногда ему полезно немного солнца. Даже если он ворчит.

Азалея открыла рот, чтобы ответить что-то резкое, убийственное, такое, от чего он подавится своей ухмылкой, — но не нашла слов. С ней такого не случалось. Никогда. Она всегда знала, что сказать. Всегда.

Орион, заметив её замешательство, улыбнулся ещё шире.

— Добро пожаловать в соседство, мадемуазель ля Роз, — произнёс он, и в его голосе прозвучала интонация, которую она не смогла распознать. Не насмешка. Не флирт. Что-то третье. — Заходите в любое время. Особенно когда захотите поругаться. У вас это хорошо получается.

Азалея резко развернулась и вышла.

Дверь за ней закрылась с мягким стуком. Пересекая улицу обратно к своей лавке, она чувствовала, как горят щёки и как сердце колотится где-то не в том месте. В горле? В вис-

ках? Оно вообще не должно было колотиться. Сердце Азалеи ля Роз билось ровно. Стабильно. Предсказуемо.

Она вошла в «Кофе & Фолиант», закрыла дверь и прислонилась спиной к косяку.

Вдох. Выдох.

Посмотрела на часы. Восемь ноль три. Она отсутствовала восемнадцать минут. Восемнадцать минут из её идеально распланированного дня.

И только в этот момент она поняла, что он так и не назвал своего имени.

Зато она знала, как его назовёт про себя.

Невыносимый. Самодовольный. Нахальный...

Азалея помотала головой, отгоняя ненужные мысли, и отправилась включать кофемашину. День только начинался. И она не позволит какому-то антиквару с расстёгнутой рубашкой испортить его.

Но вывеска напротив продолжала отражать свет в её витрину.

И когда, спустя час, мадам Трюффо забежала за утренним кофе, она заметила:

— Дорогая, ты сегодня какая-то... взвинченная. Что-то случилось?

— Нет, — ответила Азалея слишком быстро. — Ничего. Всё как всегда.

Мадам Трюффо бросила взгляд в окно, на вывеску напротив, и хмыкнула. Но ничего не сказала.

А Азалея впервые за семь лет пересолила эспрессо.

Глава 2. Война витрин

На следующее утро Азалея проснулась с решимостью, которой позавидовал бы генерал перед решающим сражением.

Она провела бессонную ночь. Не из-за него — ни в коем случае не из-за него, — а из-за объективного нарушения её покоя. Она ворочалась в постели, считала овец, считала книги на полках, считала до ста на трёх языках, но каждый раз, закрывая глаза, видела эту проклятую ухмылку и слышала это «цветок, который цветёт в тени». Он произнёс это так, будто знал о ней что-то. Что-то, чего она сама о себе не знала.

К семи утра Азалея пришла к выводу, что единственный способ вернуть контроль — это перестать реагировать на провокации. Она будет выше этого. Она — хозяйка уважаемого заведения, а не участница уличных петушинных боёв.

В семь сорок пять она перевернула табличку на «Ouvert» и приготовилась к обычному дню.

К полудню она поняла, что обычного дня не будет.

Солнце на Рю-де-Флёр вело себя предательски. Утром оно висело над крышами восточных домов, заливая улицу мягким, рассеянным светом. Но к десяти часам оно перемещалось ровно на такую позицию, что лучи падали на киноварную вывеску «Мортейна», преломлялись под каким-то дьявольским магическим углом и ударяли прямо в витрину «Кофе & Фолиант».

Это был не просто свет. Это был допрос.

Азалея обнаружила это, когда мсье Прюдом — постоянный клиент, отставной профессор литературы, приходивший каждую среду ровно в десять пятнадцать, — поднял голову от томика Бальзака и зажмурился, как крот, вытщенный на поверхность.

— Мадемуазель ля Роз, — произнёс он, протирая очки, — у вас сегодня как-то... ярко.

— Прошу прощения, мсье Прюдом. — Азалея задёрнула штору. Штора не помогла. Свет был магическим — он находил щели, просачивался сквозь ткань, отбрасывал на стены красноватые блики, напоминающие отсветы пожара. — Я решу эту проблему.

Она произнесла это тем же тоном, каким, вероятно, Мария-Антуанетта говорила «пусть едят бриоши» — с абсолютной уверенностью, которая не имела ничего общего с реальностью.

К одиннадцати утра Азалея испробовала всё.

Она переставила столики — свет переместился следом. Она попыталась повесить дополнительную занавеску — магический луч прожёл в ней крошечную дырочку и продолжил сиять. Она даже вышла на улицу и попыталась прикрыть вывеску со своей стороны картонкой, привязанной к водосточной трубе, — но картонка сползла через три минуты, и Азалея едва не свалилась с лестницы под одобрителем взглядом каменной горгульи на карнизе соседнего дома.

В полдень она сдалась. Не окончательно — тактически отступила, чтобы перегруппироваться.

И тут её осенило.

Витрина.

Витрина «Кофе & Фолиант» всегда была предметом её гордости. Каждую неделю она создавала новую композицию: книги, расставленные полукругом, фарфоровая чашка на блюде, засушенные цветы в маленькой вазочке, иногда — свеча (не зажжённая, она боялась огня). Это была витрина, которая говорила: «Войдите. Здесь тихо. Здесь пахнет кофе и старыми страницами. Здесь вы в безопасности».

Сегодня она скажет другое.

В подсобке, за коробками с зёрнами и старыми подшивками «Магического вестника», хранились вещи, оставшиеся от предыдущего владельца. В основном хлам, который Азалея не успела выбросить. Но среди этого хлама было оно.

Чучело ворона.

Здоровенный, размером с кошку, ворон с глазами из чёрного стекла и клювом, приоткрытым в беззвучном карканье. Когда-то он принадлежал старому часовщику Леклерку — тому самому, что съехал полгода назад, — и использовался как держатель для карманных часов. Часы крепились в клюв. Азалея находила эту вещь глубоко отвратительной, но почему-то не выбросила. Словно предчувствовала.

Теперь она извлекла ворона из коробки, сдула пыль и критически осмотрела.

— Ты, — произнесла она тихо, — будешь моим посланием.

Люк, её бариста — долговязый студент Сорбонны с вечно взъерошенными волосами и способностью появляться в самый неподходящий момент, — застыл с подносом в руках.

— Мадемуазель, что вы делаете?

— Оформляю витрину.

— С этим?

— У тебя есть возражения?

Люк посмотрел на ворона. Ворон посмотрел на Люка мёртвыми стеклянными глазами. Люк сглотнул.

— Нет, мадемуазель. Просто... он выглядит так, будто сейчас оживёт и выключит кому-то душу.

— Именно, — сказала Азалея с мрачным удовлетворением.

Она водрузила чучело в центр витрины, развернув его клювом точно в сторону «Мортейна». Затем, подумав, добавила деталей: вокруг ворона она разложила книги в чёрных обложках — «Ворон» Эдгара По, разумеется, «Мрачные рассказы», сборник «Проклятия и предзнаменования», «История инквизиции» и — в качестве финального штриха — раскрытый на середине томик «Графа Монте-Кристо» на странице, где Эдмон Дантес клянётся отомстить.

Она отошла на шаг. Полюбовалась.

Ворон смотрел на «Мортейн» с выражением глубочайшего осуждения. Казалось, он вот-вот откроет клюв и произнесёт: «Никогда больше».

— Прекрасно, — сказала Азалея.

Люк нервно кашлянул:

— Мадемуазель... вы не думаете, что это немного... агрессивно?

— Я не агрессивна, Люк. Я красноречива.

Следующие несколько часов Азалея наслаждалась маленькой, но жгучей победой. Каждый раз, поднимая глаза от прилавка, она видела ворона, и ворон видел «Мортейн», и это было почти так же хорошо, как если бы она сама стояла на крыльце и сверлила соседа взглядом.

Она даже приготовила особенно удачный эспрессо для мадам Трюффо.

— Дорогая, — сказала мадам Трюффо, заглянув в витрину на выходе, — это... новый декор?

— Сезонный, — ответила Азалея, протирая кофемашину.

— Сезон чего? Конца света?

Но Азалея уже не слушала. Она смотрела в окно. Из дверей «Мортейна» вышел Орион.

Он был в рубашке — на этот раз застёгнутой на целых две пуговицы, что, видимо, считалось у него парадным вариантом, — и держал в руках какой-то свёрток. Он пересёк улицу неторопливым шагом, остановился перед витриной «Кофе & Фолиант» и замер.

Азалея затаила дыхание.

Орион склонил голову набок. Разглядывал ворона. Долго. Очень долго. Затем его губы дрогнули — она видела это сквозь стекло — и он расхохотался. Не ухмыльнулся, не усмехнулся — рассмеялся в голос, запрокинув голову, и смех этот был низким, рокошущим, совершенно неподобающим для врага.

Он поднял глаза, нашёл её взгляд через витрину и подмигнул.

Азалея почувствовала, как кровь приливает к щекам. От ярости. Определённо от ярости.

— Люк, — сказала она, не разжимая зубов, — присмотри за лавкой.

Она вышла на крыльцо. Орион уже ждал её, прислонившись плечом к фонарному столбу.

— Ворон, — произнёс он, всё ещё улыбаясь. — Серьёзно?

— Он отражает моё мнение о вашей вывеске.

— Ваше мнение — чёрная птица-падальщик?

— Мой вкус — классика. Ваш — балаган.

— Знаете, — Орион оттолкнулся от столба, — мне нравится, когда вы злитесь. У вас появляется румянец. Вам идёт.

— Вам идёт молчать, но вы, кажется, этого не практикуете.

— Практикую. Но только когда сплю. — Он помолчал. — Хотя сегодня, кажется, не спал. Думал о вас.

Азалея поперхнулась воздухом. Он думал о ней? Ночью? Она запретила себе развивать эту мысль.

— Если вы пришли просить убрать ворона, — сказала она ледяным тоном, — напрасно. Он останется там, пока ваша вывеска не перестанет слепить моих клиентов.

— О, я не просить. — Орион развернул свёрток. — Я вручить.

В его руках оказался предмет, завернутый в тёмную ткань. Он протянул его Азалее. Она инстинктивно отступила.

— Что это?

— Подарок. В честь новоселья. Соседский жест.

Азалея подозрительно посмотрела на свёрток. От него исходил слабый запах — что-то древнее, как страницы книги, найденной на чердаке, и холодное, как металл в тени.

— Я не принимаю подарки от незнакомцев.

— Мы не незнакомцы. Мы соседи. И, судя по ворону, мы уже на стадии пассивной агрессии. Следующая стадия — открытая война. Я предлагаю пропустить её и перейти к взаимным любезностям.

— Это не любезность, — она указала на свёрток, — это подкуп.

— Это кофе, — сказал он. — Я слышал, вы его любите.

Азалея колебалась. Любопытство боролось с инстинктом самосохранения. Инстинкт предупреждал, что от этого человека не стоит принимать даже стакан воды. Но кофе...

Она взяла свёрток и осторожно развернула ткань.

Внутри оказалась банка. Стеклоанная, старинная, с притёртой пробкой. И на этикетке — выцветшей, написанной от руки — значилось: «Coffea Ignis. Собрано в предгорьях Драконьего Хребта. Осторожно: огонь».

Азалея подняла глаза.

— Это шутка?

— Это лучший кофе в мире, — ответил Орион без тени улыбки. — Зёрна обжариваются естественным пламенем. Драконьим. Очень редкий сорт. Я подумал, что эксперт оценит.

— Я не приму это.

— Почему?

— Потому что не хочу быть вам обязанной.

— Это не долг, цветок. Это жест. Простой жест.

— У простых жестов не бывает подтекста. А у вас всё имеет подтекст.

Орион посмотрел на неё долгим взглядом — тем самым, от которого золотые искры в его глазах начинали двигаться быстрее.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Тогда считайте это трофеем. Вы выиграли первый раунд. Ворон... впечатляет.

С этими словами он развернулся и пошёл обратно к своей лавке.

Азалея осталась на крыльце, прижимая к груди банку с кофе и чувствуя, что каким-то образом проиграла.

К вечеру она поняла, что проиграла не каким-то образом, а совершенно конкретным.

Она не заметила, что именно он поставил в своё окно, пока солнце не начало садиться. А когда заметила — было поздно.

В витрине «Мортейна», прямо напротив её ворона, стояло зеркало.

Огромное, в потускневшей бронзовой раме, с поверхностью, которая не отражала — впитывала. Зеркало это было наклонено ровно под таким углом, что в нём отражался ворон. Но отражение было... искажённым.

Ворон в зеркале выглядел иначе. Его стеклянные глаза горели алым. Его клюв был приоткрыт шире — словно он действительно что-то говорил. И когда сумерки сгустились, Азалея услышала.

Шёпот.

Тихий, едва различимый, доносящийся словно из ниоткуда. Он звучал прямо в ушах, но источника не было.

«...ибо грядёт беда...» — шелестел голос. «...тьма опустится... крылья закроют солнце... тот, кто носит огонь, принесёт пепел...»

Мадам Трюффо, зашедшая за вечерним круассаном, выронила пакет.

— Святая Женевьева! — воскликнула она, хватаясь за грудь. — Что это?!

— Ничего, — процедила Азалея, глядя в окно. — Просто соседский жест.

Она вылетела на улицу и забарабанила в дверь «Мортейна». Дверь открылась практически мгновенно — словно он ждал.

Орион стоял в проёме с бокалом красного вина и самой невинной улыбкой, какую Азалея доводилось видеть.

— Что-то не так, цветок?

— Ваше зеркало. Оно... говорит.

— Ах, это. — Он сделал глоток вина. — Старинная вещь. Зеркало Кассандры. Отражает не облик, а... суть. И иногда нашёптывает пророчества. Безобидная безделушка.

— Оно пугает моих клиентов!

— Ваш ворон пугал моих, — парировал он. — Один посетитель решил, что это знак скорой смерти, и ушёл, не купив амулет.

— Так вы... вы... это месть?!

— Месье? — Орион прижал свободную руку к груди в притворном изумлении. — Помилуйте. Я всего лишь ответил тем же. Вы выставили ворона — я поставил зеркало. Искусство против искусства. Остроумие против остроумия.

— Это не остроумие! Это... это...

Она не нашла слов. Во второй раз за два дня.

Орион подождал, наслаждаясь её бессилием, затем примирительно поднял бокал:

— Давайте заключим сделку. Вы убираете ворона. Я меняю угол зеркала.

Азалея смотрела на него, чувствуя, как желваки ходят под кожей. Он предлагал перемирие на своих условиях. Он давал ей выход, но с позиции силы.

И она согласилась бы — если бы не одно обстоятельство.

В его глазах плясал вызов. Он ждал, что она сдастся.

Азалея ля Роз не сдавалась.

— Оставьте зеркало, — сказала она, — и оставьте себе вашу сделку.

Орион приподнял бровь.

— Вы уверены?

— Вполне.

Она развернулась и пошла к своей лавке. Спина прямая, подбородок вздёрнут. Ворон останется. Зеркало останется. И будь что будет.

За её спиной раздался низкий, тёплый смех.

— Спокойной ночи, цветок, — донёсся его голос, пропитанный удовольствием. — Сладких снов.

Она не ответила. Захлопнула дверь.

Прислонилась к косяку.

Вдох. Выдох.

— Люк, — произнесла она в пустоту лавки, — завтра мы идём в архив. Я хочу знать, какие ещё есть законы о магических артефактах в общественных местах.

Люк, убиравший столики, замер:

— Мадемуазель, вы собираетесь судиться с соседом?

— Я собираюсь победить.

Но когда она поднималась по лестнице в свою квартиру, её преследовало воспоминание о том, как он произнёс «спокойной ночи». Голос был низким, обволакивающим. Как дым. Как огонь.

И, ложась спать, она впервые за долгое время не знала, что принесёт завтрашний день.

Но где-то глубоко внутри — там, где жили чувства, которые она отказывалась признавать, — ей было интересно.

Глава 3. Инцидент с экипажем

На третий день войны Азалея поняла, что проигрывает по всем фронтам.

Зеркало Кассандры продолжало нащёптывать пророчества. За прошедшие сутки оно предсказало: падение династии (чью именно — не уточнило), нашествие саранчи (в Париже? в ноябре?) и «великую любовь, что обернётся великим пеплом». Последнее пророчество особенно не понравилось мадам Трюффо, которая как раз присматривала четвёртого мужа.

— Мне кажется, — сказала она, косясь на окно, — это зеркало говорит обо мне.

— Оно говорит о всех и ни о ком, — отрезала Азалея. — В этом суть пророчеств.

— Суть в том, что ваш сосед — колдун. Симпатичный, но колдун.

Азалея предпочла не комментировать слово «симпатичный».

Ворон в витрине держал оборону. За ночь его стеклянные глаза, казалось, налились ещё большей мрачностью. Один из постоянных клиентов, мсье Прюдом, заметил, что птица «смотрит в душу», и пересел за дальний столик. Азалея посчитала это маленькой победой — по крайней мере, ворон работал.

Но к десяти утра вторника она осознала, что все эти витринные баталии были лишь прелюдией.

Потому что у дверей её лавки стоял экипаж.

Не просто экипаж. Экипажище. Громоздкая, покрытая чёрным лаком конструкция на четырёх колёсах, каждое размером с обеденный стол. На дверцах красовался герб — незнакомый, с переплетением змей и языками пламени. Из-под днища свисали магические амортизаторы, пульсирующие тусклым багровым светом. От упряжи пахло серой и мускусом.

Но хуже всего было то, кто стоял в упряжи.

Василиск.

Настоящий, живой василиск. Размером с крупного быка, с чешуёй цвета ржавчины, переливающейся в утреннем свете. Гребень на голове — костяной, зазубренный, как корона какого-то древнего ящера-короля. Глаза — закрыты, и на том спасибо: василиски, как известно, убивают взглядом, и то, что этот был обучен держать веки сомкнутыми, говорило о серьёзном уровне дрессировки. Или о серьёзном уровне безрассудства владельца.

Экипаж стоял ровно перед дверью «Кофе & Фолиант». Не перед своей лавкой. Не у обочины. А в точности перед входом Азалеи, перекрывая и дверь, и крыльцо, и часть витрины. Чтобы войти в собственную лавку, нужно было либо перелезть через дышло, либо проползти под брюхом василиска.

Азалея стояла на мостовой с пакетом свежих круассанов от мадам Трюффо и молча смотрела на это безобразие.

Василиск, почувствовав её присутствие, повёл мордой. Из ноздрей вырвались две струйки пара.

— Доброе утро, — произнесла Азалея таким тоном, каким обычно говорят «готовьте завешание».

Василиск не ответил. Но хвост его дёрнулся, сбив с тротуара горшок с геранью, который Азалея заботливо поливала последние три года.

Герань разбилась.

Это была очень хорошая герань.

Азалея закрыла глаза. Сосчитала до десяти. Открыла.

Экипаж никуда не делся.

Тогда она сделала то, чего не делала никогда: она вошла в «Кофе & Фолиант» через чёрный ход. Через собственный чёрный ход. Как воровка. Как человек, которому стыдно показаться на глаза собственной лавке.

Люк, колдовавший над кофемашиной, поднял голову и осёкся, увидев её лицо.

— Мадемуазель? На вас лица нет.

— Лицо есть, Люк. На нём — выражение крайней степени возмущения. Это разные вещи.

Она прошла к прилавку и достала из ящика лист бумаги. Той самой бумаги, которую заказывала для особых случаев — кремовой, с водяными знаками в виде дубовых листьев. Перо. Чернила.

Люк заглянул через плечо:

— Что вы пишете?

— Объявление войны.

На листе, аккуратным каллиграфическим почерком, которым Азалея когда-то переписывала стихи для матери, легли следующие слова:

«Уберите ящерицу, пока я не превратила её в ремень.

С уважением,
Азалея ля Роз
«Кофе & Фолиант»»

Она перечитала. Подумала. Зачеркнула «С уважением» и написала «Без такового». Подумала ещё. Вернула «С уважением» — вежливость была её оружием, и она не собиралась разбрасываться боеприпасами.

Затем она вышла через парадную дверь (точнее, протиснулась между стеной и экипажем, едва не порвав рукав), пересекла улицу и демонстративно приклеила записку на дверь «Мортейна». Сверху — сургучная печать. Для солидности.

Вернулась. Села за прилавок. Приготовилась ждать.

— Мадемуазель, — подал голос Люк, — а почему вы просто не попросите его убрать экипаж? Словами?

— Потому что, Люк, слова — это для цивилизованных людей. А он — провокатор. Провокаторы понимают только язык последствий.

— И записка — это последствия?

— Это предупреждение о последствиях. Учись различать.

Люк хотел что-то возразить, но осёкся, глядя в окно. Из «Мортейна» вышел Орион. В одной рубашке, несмотря на ноябрьский холод. Подошёл к двери. Снял записку. Прочитал.

Азалея видела, как его губы начали растягиваться в улыбке. Медленно. Как рассвет.

Он скрылся в лавке и через минуту вышел снова — с собственной запиской, которую приклеил уже на дверь «Кофе & Фолиант», поверх сургучной печати Азалеи. Затем помахал ей через стекло и вернулся к себе.

Азалея выждала ровно тридцать секунд (она не хотела, чтобы он думал, что она ждала) и вышла за запиской.

Почерк у него был размашистый, небрежный, но при этом — она не могла не отметить — красивый. Буквы плясали, цепляясь друг за друга.

«Она стеснительная. Не смотрите ей в глаза.

P.S. Её зовут Жизель.

P.P.S. Она предпочитает, чтобы её называли «мадам Жизель». Она старой закалки.

Ваш покорный сосед,

О. де М.»

Азалея смяла записку. Разгладила обратно. Перечитала.

— У ящерицы есть имя, — произнесла она вслух. — Он дал имя ящерице.

Люк, выглянувший из-за кофемашины, рискнул предположить:

— Может, это хороший знак? Значит, он... заботливый?

— Это значит, что он сумасшедший, — отрезала Азалея. — Сумасшедший, который держит смертоносную рептилию у моего порога и даёт ей имена.

Она взяла новый лист бумаги.

«Меня не интересует ни её имя, ни её закладка, ни её предпочтения. Меня интересует, когда её здесь НЕ будет.

Без уважения (теперь уже точно),
А. ля Р.»

На этот раз ответ пришёл быстрее. Видимо, Орион ждал.

«Мадам Жизель будет здесь ровно столько, сколько потребуется её хозяину для осмотра моей коллекции. Он очень важный клиент. Коллекционер. Знаток. Человек с безупречным вкусом.

В отличие от некоторых, он оценил мою вывеску.

Ваш (нравится вам это или нет) сосед,
О. де М.
P.S. Кстати, ремни из василиска — ужасный тон. Слишком чешуйчатые.»

Азалея скрипнула зубами.

Новый лист:

«Мне всё равно, что ценит ваш клиент. Мои клиенты не могут войти в лавку. Мсье Прюдом попытался перелезть через дышло и порвал брюки. Вы выставите мне счёт за портного?

А. ля Р.»

Ответ:

«Мсье Прюдом — тот пожилой господин с тростью? Я видел его манёвр. Честно говоря, для человека его возраста он проявил недюжинную гибкость. Передайте ему моё восхищение. И счёт за портного — разумеется. Но только если он согласится зайти ко мне и выбрать амулет для храбрости. Скидка 10%.

О. де М.

P.P.S. Мадам Жизель передаёт вам привет. Она говорит, вы очень милая, когда не кричите.»

Азалея уставилась на последнюю строчку.

— Василиски не разговаривают, — прошептала она.

Люк, который к этому моменту уже бросил все попытки работать и следил за перепиской, как за театральной постановкой, заметил:

— Магические — разговаривают. Ну, не вслух. Телепатически. Мне на зоомагии рассказывали.

— На чём рассказывали?

— На зоомагии. Элективный курс. Я думал, будет легко.

Азалея потеряла переносицу. Головная боль, зародившаяся где-то в районе затылка, расплзалась к вискам.

Новый лист:

«Передайте мадам Жизель, что если она не уберётся с моего порога через двадцать минут, я начну читать ей французское гражданское право. Вслух. Все двенадцать томов.»

Ответ пришёл незамедлительно. Но на этот раз это была не записка.

Дверь «Мортейна» распахнулась, и на пороге появился Орион собственной персоной. За его спиной маячила фигура — видимо, тот самый «важный клиент», низенький, круглый, в бархатном сюртуке, с моноклем и таким выражением лица, будто всё вокруг принадлежало ему по праву рождения.

— Двенадцать томов? — повторил Орион, пересекая улицу. Он не шёл — он шествовал, засунув руки в карманы брюк и улыбаясь своей невыносимой улыбкой. — Это жестоко даже для вас, цветок.

— Я отчаялась, — холодно ответила Азалея, стоя на крыльце со скрещёнными руками. — Отчаяние толкает на крайние меры.

— Зачем же тома, когда можно просто попросить?

— Я просила. Восемью записками.

— Записки — это не просьбы. Записки — это маленькие бумажные снаряды. — Он остановился в шаге от неё. Ближе, чем следовало. — А просьба — это когда вы смотрите на меня, хлопаете ресницами и говорите: «Орион, будьте так добры...»

— Я скорее съем подошву своего ботинка.

— Кожаная? Рекомендую с солью.

Они смотрели друг на друга. Воздух между ними, казалось, потрескивал — и это не было метафорой. Магический фон на Рю-де-Флёр в последние дни был повышенный.

Круглый клиент в монокле просеменил мимо них к своему экипажу, что-то бормоча о «странном квартале» и «невоспитанных лавочниках». Василиск — мадам Жизель — всхрипнула и дёрнула хвостом, отчего экипаж качнуло.

— Мсье Гримо, — окликнул его Орион, не оборачиваясь, — вы закончили осмотр?

— Закончил, закончил, — пробурчал толстяк, взбираясь на козлы. — Но я ещё вернусь. Амулет с рубином я беру. Счёт пришлите.

— Непременно.

Экипаж дёрнулся. Мадам Жизель открыла пасть — мелькнули ряды зубов, острых, как иглы, — и издала звук, средний между шипением и мурлыканьем. Затем экипаж тронулся и покотился по брусчатке, цокая копытами (василиск был подкован — Азалея не хотела думать, как именно).

Улица опустела.

Остались только они двое. И горшок с разбитой геранью.

— Вы должны мне герань, — сказала Азалея.

— Я должен вам гораздо больше, чем герань, — ответил Орион. Это прозвучало странно. Как-то не по-соседски. Он, кажется, сам это понял и быстро добавил: — Но давайте начнём с герани. Какой сорт?

— «Кровавый закат». Редкий. Магический. Цветёт раз в три года.

— Серьёзно? — Он приподнял бровь. — У вас в лавке книги, у вас на крыльце — «Кровавый закат»... А с виду такая мирная.

— Я полна сюрпризов.

— Не сомневаюсь. — Орион наклонился и поднял осколок горшка. Покрутил в пальцах. — Я найду вам новый. С растением. Даю слово.

— Слово дракона? — вырвалось у неё, и она тут же прикусила язык.

Орион замер. Медленно поднял глаза. В них что-то мелькнуло — не раздражение, не удивление, а, скорее... узнавание.

— А вы догадливы, — произнёс он тихо.

— Я ничего не...

— Дракон. Да. Вообще-то я не афиширую, но от вас, кажется, скрываться бесполезно. — Он выпрямился. — Что меня выдало? Чешуя за ушами? Запах серы?

Азалея молчала. Она не знала, что сказать. Она не знала. Это была случайная догадка, вспышка интуиции, слово, которое само сорвалось с языка.

— Вы не пахнете серой, — сказала она наконец.

— А чем я пахну?

— Не важно.

— Нет уж, скажите. Раз начали. — Он скрестил руки на груди и приготовился слушать.

Азалея покраснела. Опять. Ненавистный румянец, который появлялся всегда не вовремя.

— Дымом. Сухими травами. И чем-то... старым. Как книги, которые долго лежали у камина.

Повисла пауза. Долгая. Слишком долгая.

— Это лучший комплимент, который мне делали за последние сто лет, — произнёс Орион, и в его голосе не было ни капли насмешки. Он звучал почти... искренне.

— Я не делала комплимент, — быстро сказала Азалея. — Я констатировала факт. Это другое.

— Разумеется.

Он отступил на шаг. Впервые за всё время их знакомства он отступил первым.

— Я найду вам герань, мадемуазель ля Роз, — повторил он. — А записки... сохраните. Когда-нибудь они станут экспонатами в моей коллекции.

— Ваша коллекция — это древности. А наши записки — мусор.

— Мусор становится древностью, если пролежит достаточно долго. — Он подмигнул. — Всего доброго, цветок. Передайте мсье Прюдому, что портной на улице Сен-Жак делает скидки пенсионерам.

И ушёл.

Азалея осталась на крыльце, сжимая в руке стопку его записок — она и не заметила, что собрала их все. Кремовая бумага, на которой она писала, и обрывки пергамента, на которых отвечал он. Её каллиграфия и его размашистый почерк. Диалог. Поединок.

Она вошла в лавку, аккуратно сложила записки стопкой и убрала в ящик прилавка.

— Мадемуазель, — подал голос Люк, — вы сохранили их?

— Для истории, — ответила Азалея. — Когда этот человек доведёт меня до банкротства или до суда, это будут вещественные доказательства.

Люк кивнул с таким видом, будто ни на секунду ей не поверил.

— Конечно, мадемуазель. Конечно.

Азалея ничего не ответила. Она смотрела в окно, на дверь «Мортейна», и думала.

Дракон. Он — дракон. Последний дракон Парижа, если слухи не врал.

И он пахнет дымом, сухими травами и старыми книгами.

И он дал имя василиску.

И он обещал найти ей «Кровавый закат».

Азалея помотала головой и включила кофемашину. Работать. Работать — лучшее лекарство от глупых мыслей.

Но когда вечером она закрывала лавку, то поймала себя на том, что смотрит на его окна.

Свет горел. Тени двигались. Он был там.

И она вдруг поняла, что день без перепалки с соседом — даже с учётом экипажа, василиска и разбитой герани — прошёл бы гораздо, гораздо скучнее.

Глава 4. Кофе как оружие

Прошло три дня.

Три дня относительного затишья. Экипаж с мадам Жизель больше не появлялся — видимо, важный клиент завершил свои дела, и василиск отбыл в те края, где парковка на чужих крыльцах считалась нормой. Зеркало Кассандры продолжало бормотать пророчества, но Азалея научилась не обращать внимания. В конце концов, если верить зеркалу, за эту неделю Париж должен был пережить два потопа, одно нашествие и три падения династий. Пока обошлось.

Ворон в витрине держал позиции.

Орион не появлялся. Азалея говорила себе, что это к лучшему. Она говорила себе это каждое утро, заваривая чай. Она говорила это, пересчитывая выручку. Она говорила это, глядя в окно на закрытую дверь «Мортейна», за которой, судя по доносившимся звукам — скрежету, звону, приглушённым ругательствам на неизвестном языке, — кипела работа.

— Он разбирает коллекцию, — сообщил Люк, вернувшийся с утренней пробежки до булочной. — Я видел через окно. Там ящики до потолка. И статуя. Здоровенная. Кажется, мраморная.

— Меня не интересует его коллекция.

— Статуя была без головы. Но он с ней разговаривал.

— Меня не интересует, с кем он разговаривает.

— А ещё он спросил про вас.

Азалея, убиравшая чашки с полки, замерла.

— Что?

— Ну, я проходил мимо, а он вышел на крыльцо — в этом своём, знаете, вечно расстёгнутом виде — и такой: «Юноша, как там ваш генерал в юбке? Ещё не планирует новое наступление?» Я сказал, что вы не генерал. Он сказал: «Генерал, просто она пока не знает, что война уже идёт».

Азалея медленно поставила чашку на стойку.

— Он назвал меня генералом в юбке?

— Ну... да. Но, по-моему, это был комплимент.

— Комплимент?

— Он сказал это с уважением. Почти с восхищением. Я бы даже сказал...

— Люк, — перебила Азалея, — иди протирать столики.

Люк ретировался.

Азалея осталась у прилавка. Генерал в юбке. Планирует наступление. Война уже идёт. Значит, он тоже считает это войной. Хорошо. Пусть будет война. На войне всё ясно: есть враг, есть стратегия, есть победа. Никакой двусмысленности. Никаких взглядов через улицу. Никаких...

Колокольчик на двери звякнул.

Азалея подняла голову — и её мысли оборвались на полуслове.

На пороге «Кофе & Фолиант» стоял Орион де Мортейн.

Он был одет. По-настоящему одет. Никакой расстёгнутой рубашки, никаких закатанных рукавов. Чёрный сюртук, явно сшитый на заказ, облегал плечи с той небрежной точностью, которая стоит больше, чем весь её гардероб вместе взятый. Белая рубашка застёгнута до горла — Азалея невольно отметила, что полностью застёгнутый он выглядит даже опаснее, чем полурасстёгнутый. Тёмно-зелёный жилет, цвета бутылочного стекла. На шее — шейный платок, повязанный с той старой, чуть старомодной элегантностью, которая выдавала в нём человека иной эпохи. Волосы приглажены — ну, насколько это было возможно для волос, которые, казалось, жили собственной жизнью.

Он оглядел лавку с видом монарха, посетившего провинцию. Задержал взгляд на вороне в витрине (улыбнулся уголком губ). На книгах (кивнул, будто одобряя). На кофемашине (приподнял бровь). И, наконец, на Азалее.

— Мадемуазель ля Роз, — произнёс он, и её имя в его устах снова прозвучало иначе, чем у всех остальных. Теплее. Как будто он смаковал каждый слог. — Я пришёл как клиент.

— Клиенты приходят за кофе, — ответила она, не двигаясь с места. — Вы уверены, что не ошиблись дверью? Ваша лавка — напротив.

— Моя лавка — напротив. Но кофе подают здесь. Или вывеска «Кофе» над входом — исключительно для красоты?

Азалея сжала зубы.

— Что вам угодно?

— Эспresso. — Он прошёл к стойке и опустился на высокий табурет с грацией большого хищника, который устраивается на солнце. Полы сюртука разлетелись, открывая жилет. От него пахло тем самым — дымом, травами, старыми книгами. Сегодня к этому добавилась едва уловимая нота сандала. — Говорят, у вас лучший эспresso в Париже.

— Говорят.

— Я решил проверить. Лично. Составить мнение.

— У вас уже есть мнение. Вы его высказали в первый день. Прочитую: «Даже драконы такое не пьют».

— Вы запомнили. — Он не спрашивал. Он констатировал.

— У меня хорошая память на оскорбления.

— Это не было оскорблением. Это было... первое впечатление. А первое впечатление, как известно, бывает ошибочным. — Он положил руки на стойку. Ладони широкие, пальцы длинные. На безымянном — массивный перстень с тёмно-красным камнем, в глубине которого что-то медленно пульсировало. — Я даю вам второй шанс.

— Вы даёте мне второй шанс?

— Не будем притворяться, что тот кофе был хорошим. Вы нарочно испортили его.

Азалея открыла рот — и закрыла. Отрицать было бессмысленно.

— Я не обязана подавать вам кофе, — сказала она.

— Обязаны. — Он улыбнулся. — Вы же не хотите, чтобы по Парижу пошли слухи, что хозяйка «Кофе & Фолиант» отказала клиенту? Из личной неприязни? Мадам Трюффо обожает такие истории. К вечеру будет знать весь квартал. К утру — весь Монмартр.

Мадам Трюффо действительно обожала такие истории. И действительно разнесла бы их с быстротой лесного пожара.

Азалея посмотрела на него. Он смотрел на неё. Искры в его глазах плясали медленный, ленивый танец.

— Хорошо, — произнесла она ледяным тоном. — Один эспрессо.

Она повернулась к кофемашине. Руки двигались автоматически — намолоть, утрамбовать, вставить рожок, дожидаться, пока «Фаэтон-2» прошипит и выплюнет струю тёмной жидкости. Но мысли её двигались не автоматически. Мысли её двигались быстро. Очень быстро.

Он сидел в её лавке. На её табурете. В её пространстве. И выглядел так, будто всегда здесь сидел. Будто имел право. Будто лавка была продолжением его гостиной, а она — ну, не прислугой, но кем-то, кого он пришёл оценивать.

Она бросила взгляд через плечо. Он рассматривал книжную полку за её спиной. Уголки губ всё ещё подрагивали в намёке на улыбку.

Азалея приняла решение.

Она взяла не ту чашку. Не из тех, что стояли на подогреве — тёплые, готовые принять эспрессо, чтобы он не остыл слишком быстро. Нет. Она достала чашку с дальней полки. Холодную. Такую холодную, что пальцы обожгло керамикой.

Затем она налила кофе — но не тот сорт, что обычно. Она взяла банку с экспериментальным зерном, которое ей прислали из Марселя месяц назад и которое она забраковала. Слишком горькое. Слишком резкое. Слишком... злое.

Кофе потёк в чашку — чёрный, маслянистый, с запахом, который даже ей показался агрессивным. Холодная чашка мгновенно остудила его до едва тёплого состояния.

Азалея поставила эспрессо на блюдце, блюдце — на стойку, и пододвинула к Ориону.

— Ваш эспрессо.

Она не улыбалась. Она смотрела ему прямо в глаза.

Орион опустил взгляд на чашку. На тёмную жидкость, на которой не было ни капли пенки — крема, как называли её кофейные эксперты, — потому что холодная чашка убила её мгновенно. Поднёс к лицу. Вдохнул.

Бровь его дрогнула.

Он понял. По запаху. По температуре. По отсутствию пенки.

Он всё понял.

Азалея ждала. Ждала, что он возмутится. Вернёт чашку. Потребуется переделать. Или просто уйдёт, хлопнув дверью, — что тоже было бы победой.

Но Орион де Мортейн сделал другое.

Он поднял чашку, поднёс к губам и сделал глоток.

Один. Второй. Третий.

Допил до дна.

Медленно опустил чашку на блюдце. Звякнула керамика.

Поднял глаза на Азалею.

Она стояла, замерев, как кролик перед удавом. Что-то в его лице изменилось. Улыбка исчезла, но это не было злостью. Это было... восхищение? Нет. Что-то сложнее.

— Мадемуазель ля Роз, — произнёс он, и голос его прозвучал ниже обычного. Глубже. С хрипотцой, будто кофе обжёг горло. — Я пил лаву. Настоящую. В кратере Эребус, в 1847 году. Знаете, зачем?

Азалея молчала.

— Это был спор. Мой кузен сказал, что дракон может выпить всё что угодно, но даже дракон не выпьет лаву. А я сказал — выпью. И выпил. — Он помолчал. — И даже лава была вкуснее, чем этот кофе.

Он встал. Медленно. Выпрямился во весь свой рост — а он был высок, она забыла, насколько высок, потому что обычно расстояние между ними было больше. Сейчас стойка разделяла их, но это было смехотворное препятствие. Полметра полированного дуба.

— Вы нарочно испортили его, — сказал он тихо. — Во второй раз.

— Вы сами напросились.

— Напросился. — Он кивнул, будто признавая поражение. — Но знаете что?

— Что?

— Я выпил. До дна. — Он наклонился над стойкой. Теперь их лица разделяло расстояние, которое можно было измерить не в дюймах, а в ударах сердца. — Вы думали, я откажусь. Думали, я поставлю чашку и уйду. Но я выпил ваш отраву, мадемуазель ля Роз, и даже не поморщился. Так кто из нас победил?

Азалея не отступила. Хотя всё внутри кричало: отступи. Он был слишком близко. Его запах — дым, сандал, что-то ещё, что-то древнее, как камни и пепел, — окутывал её, лишая способности мыслить ясно.

— Вы не заплатили, — сказала она.

Орион моргнул. Затем улыбнулся — на этот раз широко, обнажая зубы.

— Вы правы. Не заплатил. — Он сунул руку в карман сюртука, извлёк золотую монету и положил на стойку. Монета была старинная, с профилем какого-то давно почившего короля. — Этого хватит?

— Это слишком много.

— Считайте компенсацией. За лаву.

Он развернулся и пошёл к выходу. Полы сюртука качнулись. У двери он остановился, не оборачиваясь.

— В следующий раз, когда захотите меня отравить, — произнёс он через плечо, — добавь хотя бы сахар. Смерть должна быть сладкой.

Колокольчик звякнул. Дверь закрылась.

Азалея осталась одна у стойки, глядя на пустую чашку и золотую монету с мёртвым королём. В лавке пахло сандалом. И дымом. И поражением.

Из подсобки высунулся Люк. Судя по его лицу, он слышал каждое слово.

— Мадемуазель... — начал он.

— Ни слова, — отрезала Азалея.

— Я только хотел спросить: он правда пил лаву?

— Люк, ради всего святого, иди протирать столики.

Люк исчез.

Азалея взяла пустую чашку. Повертела в пальцах. На ободке, там, где его губы касались керамики, остался едва заметный след — и она запретила себе об этом думать.

Затем она взяла золотую монету. Взвесила на ладони. Тяжёлая. Очень тяжёлая. И горячая — будто её только что вынули из огня.

И вдруг поняла: он оставил её не в качестве платы. Он оставил её как трофей. Знак того, что он был здесь. Что он вошёл, выпил отраву, улыбнулся и ушёл.

И она не знала, чего ей хочется больше: запустить этой монетой в окно его лавки или положить её в карман и сохранить.

Она убрала монету в ящик прилавка. К остальным его запискам.

Потом повернулась к кофемашине и приготовила себе эспрессо. Правильный. В тёплой чашке. С хорошей пенкой.

Но, сделав глоток, поняла, что кофе сегодня горчит.

И это была не вина зёрен.

Глава 5. Шумовая атака

К вечеру пятого дня Азалея готова была признать: она недооценила противника.

Война витрин была детской забавой. Инцидент с экипажем — мелкой пакостью. Даже отравленный эспрессо, который она скормила ему три дня назад, казался теперь безобидным розыгрышем. Потому что то, что началось в четверг вечером, не поддавалось никакой классификации.

Это была попытка.

Всё началось, когда Азалея, закончив дневные дела, поднялась в свою квартиру над лавкой, надела любимый халат — тёмно-синий, с вышитыми серебром незабудками, — распустила волосы и устроилась в кресле с томиком Флобера. За окном сгущались ноябрьские сумерки. В камине потрескивал огонь — она всегда держала его маленьким, ровно настолько, чтобы не замёрзнуть, но и не напоминать себе о том, чего она боялась. В комнате пахло воском, старыми страницами и сушёной лавандой, которую она развешивала по углам.

Тишина была идеальной.

А потом тишина умерла.

Сначала Азалея даже не поняла, что слышит. Звук был низким, глубинным — он не столько доносился до ушей, сколько проникал сквозь стены, сквозь пол, сквозь кости. Вибрация шла откуда-то извне, но при этом казалось, что она рождается прямо в груди.

Азалея опустила книгу.

Звук нарастал. Он походил на григорианский хорал — монотонное, тягучее пение, исполняемое не человеческими голосами, а чем-то иным. Чем-то, что никогда не было живым. К хоралу примешивался второй слой — вой. Не волчий, не ветряной, а пещерный. Так воеет воздух, проходя через древние каменные коридоры, в которые никогда не заглядывало солнце. И поверх всего этого — ритм. Глухой, размеренный, как удары огромного сердца где-то под землёй.

Бум. Бум. Бум.

Задрожал стакан на столике.

Бум. Бум. Бум.

Задрезжала люстра — хрустальные подвески зазвенели, вторя невидимому ритму.

Бум. Бум. Бум.

Со страницы книги, которую она держала в руках, слетела закладка.

Азалея поднялась с кресла. Подошла к окну. Отдёрнула штору.

«Мортейн. Реликвии и Древности» сиял всеми своими окнами. Не обычным светом — магическим, пульсирующим, переливающимся оттенками от янтарного до багрового. Казалось, внутри здания бьётся огненное сердце. И музыка — музыка шла оттуда. Она вытекала из щелей, сочилась сквозь стены, поднималась к небу и обрушивалась на Рю-де-Флёр водопадом древнего, нечеловеческого звука.

Азалея стояла у окна минуту. Может быть, две. Она давала себе время успокоиться. Она говорила себе: это провокация. Очевидная провокация. Он ждёт, что она придёт. Если она не придёт — он проиграет.

Музыка стала громче.

С книжной полки упала маленькая фарфоровая кошка — подарок мадам Трюффо на прошлое Рождество. Разбилась.

Азалея вышла из комнаты.

Она спускалась по лестнице босиком — туфли остались наверху, искать их было некогда. Халат развевался за спиной. Волосы, которые она так и не заплела на ночь, падали на плечи и спину каштановой волной. Она прошла через тёмную лавку — ряды книг безмолвствовали, кофемашина тускло блестела в лунном свете, ворон в витрине, казалось, злорадствовал, — и распахнула входную дверь.

Ноябрьский воздух ударил в лицо. Холодный, влажный, пахнувший прелой листвой и речным туманом. Брусчатка леденила босые ступни. Азалея не заметила. Она пересекла улицу за семь шагов — она считала, — взбежала на крыльцо «Мортейна» и заколотила в дверь обоими кулаками.

Грохот её ударов слился с ритмом музыки. Бум-бум-бум — она стучала. Бум-бум-бум — отвечало древнее пение.

Дверь распахнулась.

Музыка ударила в лицо — теперь она была не вибрацией, а стеной. Плотной, почти осязаемой. От неожиданности Азалея отступила на шаг.

На пороге стоял Орион.

На нём были только брюки. Ни рубашки, ни сюртука, ни даже шейного платка. Брюки — тёмные, свободного кроя, низко сидящие на бёдрах. Босые ступни. Обнажённый торс.

Азалея смотрела на него — и не могла отвести взгляд. Не потому что хотела. Потому что не ожидала. Потому что татуировка на его левом предплечье, которую она видела раньше лишь краем, теперь открылась полностью: она поднималась выше локтя, переплетаясь в сложный узор из чешуек и языков пламени, уходила на плечо, на грудь — драконья чешуя, вытатуированная прямо на коже, переливалась в свете дверного проёма тусклым золотом. Мышцы живота напряглись, когда он опёрся рукой о косяк. В ложбинке между ключицами блестела капелька пота.

Он был... Азалея запретила себе заканчивать эту мысль.

Орион оглядел её. Медленно. С ног до головы. Босые ступни на холодной брусчатке. Синий халат с серебряными незабудками, запахнутый у горла ровно настолько, чтобы видеть ключицы. Распущенные волосы, которые она никогда не показывала никому, кроме зеркала, — каштановые, с рыжиной, переливающейся в свете его магических окон. Глаза, горящие яростью. Щёки, покрасневшие от холода и гнева.

Он улыбнулся.

Не ухмыльнулся. Не усмехнулся. Улыбнулся — медленно, как будто пробовал улыбку на вкус, и она ему понравилась.

— Вам идёт, — произнёс он, и голос его, низкий и хрипловатый, легко перекрыл шум музыки.

— Что? — Азалея не была уверена, что расслышала.

— Быть растрёпанной. — Он облокотился о косяк, явно наслаждаясь моментом. — Вам идёт.

Она почувствовала, как кровь приливает к щекам — не от холода, от бешенства.

— А вам идёт молчать, — отрезала она, — но вы, кажется, не способны.

— Способен. Просто не хочу.

— Выключите это. Немедленно.

— Что — «это»? — Он притворился, что не понимает. — А, музыка. Вам не нравится?

— Это не музыка! — Азалея почти кричала, пытаясь перекрыть гул. — Это... это пытка! Это звук конца света! Это то, что играют в аду, пока грешники ждут своей очереди!

— Любопытное описание. — Орион склонил голову набок. — Это «Плач Древних» — ритуальный хорал драконьих кланов. Исполняется раз в столетие во время лунного затмения. Очень редкая запись. Мне её доставили сегодня утром.

— Запись? — Азалея неверяще уставилась на него. — Вы хотите сказать, что это граммофон?

— Магический граммофон. Усиленный парой артефактов. Хотите посмотреть?

— Я хочу, чтобы вы это выключили! Стекла дрожат! Моя фарфоровая кошка разбилась!

— Сочувствую вашей кошке. — Он не выглядел сочувствующим. — Но я только начал слушать. Третий акт — самый сильный. Там вступают барабаны из костей мамонтов.

— Мне всё равно, из чего там барабаны! На улице ночь! Люди спят!

— Мадам Трюффо не спит, — заметил Орион. — Она стоит у окна с бокалом вина. Кажется, ей нравится.

Азалея бросила взгляд через плечо. В окне булочной, на втором этаже, действительно горел свет, и в нём угадывался силуэт мадам Трюффо, которая, судя по позе, наслаждалась спектаклем.

Азалея повернулась обратно.

— Вы невыносимы, — произнесла она, чеканя каждое слово. — Вы эгоистичны. Вы самолюблённы. Вы...

— Продолжайте, — подбодрил он. — У вас хорошо получается.

— Вы ведёте себя так, будто весь мир существует для вашего удобства!

— А разве нет?

Азалея захлебнулась воздухом.

— Выключите. Музыка. Сейчас.

— А если не выключу?

Она сделала шаг вперёд. Теперь она стояла на его крыльце, в дверном проёме, так близко, что чувствовала жар, исходящий от его обнажённой груди. Драконы, как известно, горячее людей. Теперь она знала это наверняка.

— Тогда, — сказала она тихо, — я вызову магический патруль. И пусть они объяснят вам, что такое «нарушение общественного порядка после десяти вечера».

Орион приподнял бровь.

— Вы знаете статьи магического кодекса?

— Я знаю многое, что вас удивит.

— Не сомневаюсь. — Он помолчал, разглядывая её лицо. — Хорошо. Я выключу музыку.

Азалея моргнула. Она не ожидала, что он согласится так быстро.

— Правда?

— Правда. — Он отступил внутрь, но не закрыл дверь. — При одном условии.

— Каком?

— Вы скажете мне, почему боитесь огня.

Мир замер.

Музыка всё ещё гремела — бум, бум, бум — но теперь она доносилась откуда-то изда-лека, словно Азалея нырнула под воду и все звуки сделались глухими, неясными. Она смотрела на Ориона — на его лицо, которое вдруг стало серьёзным, на его глаза, в которых больше не плясали насмешливые искры, — и не могла вымолвить ни слова.

— Откуда вы... — начала она.

— Я вижу это, — сказал он тихо. — В первый же день заметил. Вы держите камин маленьким. У вас ни одной свечи в лавке — только магические люмосферы. Когда мой клиент прикуривал трубку, вы отошли на другой конец стойки. И когда я сказал, что я дракон, вы не удивились. Вы испугались. Не меня — огня.

Азалея стояла, вцепившись пальцами в ворот халата. Холод ноябрьской ночи наконец добрался до неё — или это был не холод. Это была дрожь, которая шла изнутри, из того места, куда она никого не пускала.

— Это не ваше дело, — сказала она.

— Возможно. — Он не отводил взгляда. — Но вы хотите, чтобы я выключил музыку. А я хочу знать.

— Вы торгуетесь?

— Я коллекционер. Я всегда получаю то, что хочу. Рано или поздно.

Они смотрели друг на друга. Напряжение между ними было почти осязаемым — натянутая струна, готовая лопнуть.

И тогда Азалея сделала то, чего не делала никогда в жизни.

Она отступила.

— Делайте что хотите, — сказала она, спускаясь с крыльца. — Я вызову патруль.

Она развернулась и пошла через улицу — босая, с гордо поднятой головой, чувствуя, как его взгляд прожигает спину.

— Азалея, — окликнул он.

Она не обернулась.

— Азалея, — повторил он. В его голосе не было насмешки. Только странная, неуместная мягкость.

Она остановилась на середине мостовой. Не обернулась. Но остановилась.

— Я выключу музыку, — сказал он с порога. — Без условий.

И через мгновение — тишина. Глубокая, оглушительная, как падение в пустоту. Музыка оборвалась на полуслове, будто кто-то перерезал горло певцу. Дрожь в стёклах утихла. Сердцебиение под землёй остановилось. Рю-де-Флёр погрузилась в ночной покой — только ветер шуршал опавшими листьями да где-то вдалеке цокали копыта запоздалого экипажа.

Азалея стояла на мостовой. Холод брусчатки поднимался через ступни, растекался по телу, но она не двигалась.

— Спокойной ночи, цветок, — донеслось сзади.

Дверь «Мортейна» закрылась с мягким стуком.

Азалея пересекла оставшиеся шаги до своей лавки. Вошла. Закрыла дверь. Прислонилась к косяку — второй раз за эту неделю, — и обнаружила, что дрожит.

От холода. Определённо от холода.

Она поднялась наверх, в свою квартиру. Подобрала осколки фарфоровой кошки. Поставила томик Флобера на полку — она так и не прочитала ни страницы. Подошла к окну, чтобы задёрнуть шторы, и замерла.

В окне «Мортейна» горел свет. И в этом свете стоял он — уже в рубашке, но по-прежнему босиком. Он смотрел на неё.

Их глаза встретились через улицу. Десять метров. Всего десять метров брусчатки.

Она задёрнула шторы.

Но прежде чем ткань сомкнулась, она успела заметить, как он поднял руку — медленно, задумчиво — и прижал ладонь к стеклу.

Она не ответила. Легла в постель. Закрыла глаза.

И ещё долго лежала без сна, вспоминая золотую татуировку на его груди и то, как он произнёс её имя. Просто имя. Без титулов, без «мадемуазель». Просто — «Азалея».

Она запретила себе думать об этом.

Но мысли не слушались.

Глава 6. Книга «Укрощение огнедышащих»

Утро после шумовой атаки выдалось серым и промозглым. Небо над Парижем набрякло тучами, готовыми пролиться дождём в любую минуту. Рю-де-Флёр куталась в туман, как старуха в шаль, и даже обычно жизнерадостная вывеска булочной мадам Трюффо выглядела понурой.

Азалея, против обыкновения, проспала.

Не намного — на какие-то жалкие семнадцать минут, — но этого хватило, чтобы весь её утренний ритуал пошёл наперекосяк. Чайник закипел позже. Тосты подгорели. Узел на затылке пришлось перевязывать трижды — волосы, казалось, взбунтовались и отказывались лежать ровно. А когда она спустилась в лавку, то обнаружила, что забыла с вечера закрыть крышку кофемашины и теперь «Фаэтон-2» смотрел на неё с немым укором.

Всему виной был он.

Она не выпалась из-за него. Из-за его проклятой музыки. Из-за его обнажённого торса. Из-за того, как он прижал ладонь к стеклу, глядя на неё через улицу.

Нет. Не из-за этого. Из-за музыки. Только из-за музыки.

Азалея тряхнула головой, отгоняя непрошенные мысли, и принялась за работу. Она открыла лавку ровно в восемь ноль две — на семнадцать минут позже обычного, — и это было хуже всего. Опоздание означало, что он победил. Что его ночная выходка достигла цели. Что она, Азалея ля Роз, женщина-часы, позволила кому-то сбить её расписание.

Непростительно.

К десяти утра она приняла решение. Очередное. На этой неделе она принимала решения с частотой, которая пугала её саму.

— Люк, — позвала она.

Люк, протиравший столики (теперь он делал это без напоминаний, наученный горьким опытом), вытянулся по стойке смирно:

— Да, мадемуазель?

— Где у нас книга, которую принёс мсье Готье в прошлом месяце? Та, что он просил продать по случаю?

Люк задумался. Мсье Готье был старым профессором зоомагии, который, выйдя на пенсию, распродал библиотеку частями.

— Которая? Про драконов?

— Про драконов, — подтвердила Азалея. — Достань.

Через несколько минут книга лежала на прилавке. Увесистый том в ярко-алой обложке, на которой был изображён мультяшный дракончик, сидящий на задних лапах, как комнатная собачка. Надпись гласила: «Укрощение огнедышащих: пособие для чайников. Проверенные методы воспитания, кормления и контроля над магическими рептилиями. С иллюстрациями».

Азалея открыла книгу. Содержание было именно таким, как она надеялась. Глава 1: «Ваш дракон и вы: основы взаимопонимания». Глава 2: «Почему он рычит? Азбука драконьего языка». Глава 3: «Как отучить поджигать мебель». И, наконец, жемчужина коллекции — Глава 4: «Как приручить свой характер: советы для вспыльчивых ящеров и их хозяев».

Именно на этой главе Азалея аккуратно вложила шёлковую закладку — бордовую, с золотой кисточкой.

Затем она взяла перо и на форзаце, своим лучшим каллиграфическим почерком, вывела:

«Дорогому соседу. В надежде, что это поможет. Первые три главы можете пропустить — характер, судя по всему, ваш главный вызов.

С наилучшими пожеланиями,
А. ля Р.»

Она перечитала. Улыбнулась — впервые за утро.

— Люк, присмотри за лавкой. Я на пять минут.

Она накинула пальто, пересекла улицу и, убедившись, что за ней никто не наблюдает, подложила книгу под дверь «Мортейна» — так, чтобы, открыв дверь, он непременно на неё наступил.

Вернулась в лавку. Приготовила себе эспрессо. Правильный, в тёплой чашке, с хорошей пенкой. И принялась ждать.

Орион обнаружил книгу около полудня.

Азалея знала это, потому что ровно в двенадцать ноль четыре из «Мортейна» донёсся взрыв хохота. Не смешок, не усмешка — а полновесный, грудной хохот, от которого задребезжали стёкла не хуже, чем от «Плача Древних». Мадам Трюффо, зашедшая за круассанами, подняла голову:

— Это что, гром?

— Это дракон, — ответила Азалея, не скрывая удовлетворённой улыбки. — Кажется, я попала в цель.

— Вы? В цель? — Мадам Трюффо перевела взгляд с неё на окно и обратно. — Дорогая, вы сияете, как кошка, объевшаяся канарейкой.

— Я не сияю. Я довольна. Это разные вещи.

— Расскажите?

— Нет.

— Азалея!

— Мадам Трюффо, ваш круассан стынет.

Мадам Трюффо ушла, ворча что-то о «молодёжи, которая ничего не рассказывает старшим». Азалея проводила её взглядом и снова повернулась к окну. Из «Мортейна» никто не вышел. Никто не прибежал с возмущениями. Никто не швырнул книгу обратно.

Это было... подозрительно.

Весь оставшийся день прошёл в тишине. Орион не появлялся. Даже в окне не мелькал. Лавка его работала — Азалея видела, как заходили и выходили посетители, — но сам хозяин оставался невидимым. Это беспокоило её больше, чем если бы он пришёл скандалить. Тишина со стороны Ориона де Мортейна никогда не была хорошим знаком. Тишина означала, что он готовит ответ.

К вечеру она почти убедила себя, что ответа не будет. Что он признал поражение. Что книга «Укрощение огнедышащих» стала финальным, нокаутирующим ударом в их маленькой войне.

Азалея закрыла лавку в семь. Поднялась наверх. Заварила чай. Села в кресло с томиком Флобера (она всё ещё не продвинулась дальше третьей страницы) и позволила себе расслабиться.

Утро встретило её расплатой.

Она спустилась в лавку ровно в семь сорок пять, готовая к новому дню. Перевернула табличку на «Ouvert». Протёрла стойку. Запустила кофемашину. И только после этого заметила книгу на прилавке.

Она лежала ровно посередине, на салфетке, чтобы не испачкать полированное дерево, — хотя как она могла испачкать, Азалея не понимала, пока не подошла ближе и не увидела обложку.

Та была розовой.

Нет. Не просто розовой. Розовой. Того оттенка, который бывает у сахарной ваты, у пионов, у внутренней стороны раковины, у щёк девицы, впервые услышавшей комплимент. Ядовито-слащавый, карамельный, приторный розовый цвет, который, казалось, сочился сиропом прямо на её строгий дубовый прилавок.

На обложке, золотыми, витиеватыми буквами, было вытеснено:

«Искусство быть приятной: почему старым девам стоит улыбаться»

Практическое руководство по обаянию,
составленное мсье А. Бономом,
профессором галантных наук Парижского университета

Включает главы:

«Утренняя улыбка: начните день правильно»

«Как смеяться над шутками джентльменов (даже если они не смешные)»

«Комплимент в ответ: искусство быть благодарной»

и

«Почему хмурые женщины остаются одинокими: научный подход»

Азалея смотрела на книгу. Книга смотрела на неё. Розовая. Приторная. Изумительно оскорбительная.

Она открыла её. На форзаце, размашистым, небрежным, но при этом до отвращения элегантным почерком, было написано:

«Дорогой соседке.

Ваша книга о драконах — прелестна. Особенно иллюстрации. Тот, где дракончик в наморднике, — буду считать это нашим совместным портретом.

В ответ дарю вам это скромное издание. Закладку вложил на предисловии — оно особенно вдохновляет.

P.S. Обратите внимание на страницу 42. Там про преимущества распущенных волос. Автор полностью с вами согласен.

Ваш (по-прежнему неукрощённый) сосед,
О. де М.»

Азалея открыла предисловие. Закладка — шёлковая, разумеется, цвета фуксии, с крошечным бантиком — лежала на словах:

«...ибо женщина, не знающая радости, подобна саду без цветов. Её удел — одиночество и кошки. Много кошек».

Она перелистнула на страницу 42. Глава называлась «Причёска как инструмент соблазна». И прямо посередине страницы, жирным шрифтом, было выделено:

«Распущенные волосы — признак доступности. Замужние дамы, запомните: узел на затылке — ваш щит. А девицам на выданье советуем носить локоны свободными. Мужчины, согласно опросам, находят это... волнующим».

Кто-то — Азалея догадывалась, кто именно, — обвёл последнее слово карандашом и поставил на полях восклицательный знак.

Азалея закрыла книгу.

Открыла.

Закрыла снова.

— Люк, — позвала она. Голос прозвучал подозрительно спокойно.

Люк, который только что вошёл через чёрный ход с коробкой свежих круассанов, замер на полпути:

— Да, мадемуазель?

— Ты знаешь, где живёт ближайший букинист, который скупает книги по весу?

— Э-э... на улице Сен-Жак, кажется. А что?

Азалея подняла розовый томик двумя пальцами, словно дохлую мышь.

— Эта книга, — произнесла она, — поедет туда.

— Вы не хотите сначала... прочитать?

— Я прочитала достаточно.

— Но, может быть, там есть полезные...

— Люк. — Азалея посмотрела на него тем взглядом, от которого у стажёров-бариста случались экзистенциальные кризисы. — Ты действительно хочешь закончить это предложение?

Люк не хотел.

Он ретировался за кофемашину, и следующие полчаса из-за неё доносилось только почтительное молчание и шипение пара.

Азалея стояла у прилавка, держа книгу на вытянутой руке, и боролась с собой. Часть её — практичная, разумная, взрослая — говорила: «Выброси. Продай. Сожги». Но другая часть — та самая, которая сохранила все его записки и до сих пор не выбросила банку с драконьим кофе, — шептала: «Оставь. Хотя бы для того, чтобы изучить врага».

Она оставила.

Убрала книгу в ящик прилавка, к запискам и золотой монете. Коллекция росла.

И только потом, заваривая чай для мсье Прюдома, она поймала себя на мысли, что улыбается. Не злорадно. Не торжествующе. А просто — улыбается, потому что он вложил закладку на предисловии, и это было смешно. Потому что он обвёл слово «волнующее» карандашом. Потому что он назвал её «дорогой соседкой» — впервые без иронии, без кавычек, без подтекста.

Или с подтекстом. С ним никогда нельзя было знать наверняка.

Но одно она знала точно: война продолжалась. И следующий ход был за ней.

Глава 7. Битва за тротуар

Ноябрь в Париже — переменчивая дама. Она может укусить промозглым ветром, а может неожиданно расщедриться на день-другой мягкого, почти весеннего тепла, когда солнце пробивается сквозь облака и мостовые высыхают, и парижане, истосковавшиеся по свету, выполнят на улицы, как улитки после дождя.

Именно такой день выдался в среду.

Азалея проснулась, отодвинула штору и увидела золото. Солнце заливало Рю-де-Флёр, играло на мокрой после ночного дождя брусчатке, зажигало искры в витражах старой часовни на углу. Воздух был прозрачным и чуть морозным — идеальная погода для того, чтобы пить кофе на улице.

И тут её осенило.

Это был не просто погожий день. Это была возможность. Стратегическая.

Она оделась быстрее обычного, спустилась в лавку и, не дожидаясь Люка, принялась за дело. Из подсобки были извлечены три маленьких круглых столика — кованое железо, мраморные столешницы, — которые она купила два года назад, но использовала редко, только в самые жаркие летние дни. Затем шесть стульев — винтажных, с резными спинками. Затем скатерти — кремовые, в тон вывеске. Затем маленькая табличка на подставке: «Кофе на свежем воздухе. Эспрессо — 50 сантимов. С видом на очарование Монмартра — бесплатно».

Люк, пришедший к восьми, застал её за расстановкой.

— Мадемуазель? — Он оглядел столики, которые уже занимали изрядный кусок тротуара перед «Кофе & Фолиант». — Что происходит?

— Экспансия, — ответила Азалея, поправляя скатерть.

— Что?

— Расширение бизнеса. Диверсификация. Использование благоприятных погодных условий. И, — она бросила быстрый взгляд на дверь «Мортейна», — захват территории.

Люк проследил за её взглядом и всё понял.

— Вы хотите занять тротуар перед его витриной.

— Я хочу занять тротуар, — поправила Азалея. — То, что он окажется прямо перед его витриной, — чистая случайность. Тротуар общий. Перемещаю столики.

— Но вы же знаете, что он...

— Что он — что?

Люк осёкся. Выражение лица хозяйки не располагало к продолжению.

К десяти утра все три столика были расставлены. Два — перед витриной «Кофе & Фолиант», что было вполне законно и ни у кого не вызвало бы вопросов. А вот третий... Третий стоял чуть дальше, выдвинувшись вперёд, как аванпост. Он не перегораживал вход в «Мортейн» — Азалея была достаточно умна, чтобы не нарушать закон, — но занимал почти всё оставшееся пространство перед его витриной. Теперь любой, кто хотел рассмотреть антиквариат Ориона, должен был либо обходить столик, либо любоваться древностями из-за спин кофейных посетителей.

— Прекрасно, — произнесла Азалея, отступая на шаг и любуясь делом своих рук. — Просто прекрасно.

Первые клиенты появились около одиннадцати. Парижане, изголодавшиеся по солнцу, с радостью занимали столики. Мсье Прюдом пил свой обычный эспрессо, читал «Фигаро» и время от времени бросал рассеянные взгляды на витрину «Мортейна», где за стеклом тускло поблёскивали какие-то древние вазы.

— А знаете, мадемуазель, — заметил он, — из этого столика открывается прелюбопытный вид. Вон та амфора — она же этруская, если не ошибаюсь?

— Возможно, — ответила Азалея, ставя перед ним чашку. — Я не разбираюсь в амфорах.

— А стоило бы. Сосед ваш, похоже, знает толк в древностях.

— Он знает толк в провокациях, — пробормотала Азалея, но мсье Прюдом уже погрузился в газету.

К полудню Рю-де-Флёр гудела. Три столика были заняты — пары, одиночки, две дамы в шляпках, обсуждавшие последний скандал в Опере. Азалея сновала между лавкой и уличными столиками, разнося кофе и круассаны, и чувствовала почти забытое ощущение — торжество.

Она победила. Она заняла позицию. И он ничего не мог с этим поделать.

В час дня дверь «Мортейна» открылась.

Орион вышел на крыльцо в рубашке (расстёгнутой, разумеется), с чашкой чая в руке (чай он, видимо, заваривал у себя) и замер. Его взгляд медленно обвёл столики, посетителей, скатерти, табличку «Кофе на свежем воздухе» и, наконец, остановился на Азалее, которая как раз ставила капучино перед одной из дам в шляпке.

Их глаза встретились.

Азалея улыбнулась. Медленно. С чувством глубочайшего удовлетворения. Так улыбается шахматист, поставивший противнику шах.

Орион не улыбнулся в ответ. Он просто смотрел. Затем поднял чашку в безмолвном тосте, сделал глоток, развернулся и ушёл обратно в лавку.

Дверь закрылась.

Азалея нахмурилась. Это было... слишком легко. Слишком спокойно. Никакой записки. Никакой колкости. Никакого саркастического комментария. Просто — принял. Просто — ушёл.

Что-то было не так.

Ответный удар последовал на следующее утро.

Азалея спустилась в лавку, готовая продолжать экспансию — погода всё ещё благоприятствовала, — но, выглянув в окно, замерла.

Перед дверью «Мортейна» стояла статуя.

Огромная. Трёх футов в высоту, не меньше. Высеченная из тёмно-серого камня, покрытого патиной веков. Она изображала горгулью — ту самую, что сидела раньше в углу его лавки, только теперь она переехала на крыльцо. Скрюченная, когтистая, с перепончатыми крыльями, сложенными за спиной, и мордой, застывшей в выражении глубочайшего отвращения ко всему живому. Её каменные глаза — выпуклые, с вертикальными зрачками — смотрели прямо на столики Азалеи.

Нет. Не на столики. На посетителей.

Горгулья была вырезана с таким мастерством, что казалось: она вот-вот оживёт, спрыгнет с постамента и набросится на первого встречного. Её оскаленная пасть обнажала ряды неровных зубов. Её когти, вцепившиеся в каменный шар под ногами, были длиннее пальцев Азалеи.

Это было чудовищно.

Это было великолепно.

Это было объявление войны.

Азалея вышла на улицу. Подошла ближе. Обошла статую кругом. Горгулья, казалось, провожала её взглядом — хотя каменные глаза не двигались, просто иллюзия, игра света, — и от этого по спине бежали мурашки.

На постаменте была приклеена записка. Разумеется. Узнаваемый небрежный почерк:

«Знакомьтесь: мадемуазель Гризельда. Она будет присматривать за порядком.

P.S. Она не кусается. Насколько мне известно.

О. де М.»

— Мадемуазель Гризельда, — прочитала Азалея вслух. — Он дал имя статуе. Он даёт имена всему.

— Это плохо? — спросил Люк, выглянувший из-за двери.

— Это значит, что он сумасшедший. Я уже говорила.

— Но, может быть, статуя просто... декоративная?

В этот момент горгулья моргнула.

Люк взвизгнул. Азалея отступила на шаг. Статуя снова замерла, но её правый глаз — Азалея готова была поклясться — теперь смотрел чуть иначе. Словно она перевела взгляд с одного посетителя на другого.

— Она живая, — прошептал Люк. — Мадемуазель, она живая.

— Она магическая, — поправила Азалея, стараясь сохранять спокойствие. — Это просто охранный артефакт. Старый. Очень старый. И, вероятно, слегка... нестабильный.

Горгулья снова моргнула. На этот раз оба глаза.

Люк попятился к двери лавки.

— Мадемуазель, я, пожалуй, пойду... протирать столики. Внутри.

— Иди, — согласилась Азалея.

Она осталась на тротуаре один на один с горгульей. Солнце сияло, воздух был прозрачен, но утренние посетители, которых она надеялась привлечь, теперь обходили это место по другой стороне улицы. Мадам Трюффо, вышедшая подмести крыльцо, покосилась на статую и торопливо скрылась в булочной.

Территориальная война, начавшаяся так удачно, получила неожиданный поворот.

К полудню ситуация стала критической.

Мсье Прюдом, храбрый отставной профессор, попытался сесть за свой обычный столик — тот, что был ближе всех к «Мортейну». Он даже развернул газету. Но через пять минут поднялся, бледный, и пересел внутрь.

— Она смотрит, — сказал он шёпотом. — Она смотрит в душу.

— Она каменная, — возразила Азалея, хотя сама уже не была в этом уверена.

— Она дышит, мадемуазель. Я слышал.

Горгулья, разумеется, не дышала. Но иллюзия была настолько сильной, что даже Азалея, проходя мимо, ускоряла шаг. А дамы в шляпках, пришедшие на кофе, и вовсе отказались садиться снаружи.

— Это чудовище! — воскликнула одна из них, прижимая сумочку к груди. — Оно смотрит на меня так, будто я — закуска!

— Это просто статуя, мадам.

— Статуи не облизываются!

Азалея резко обернулась. Горгулья сидела неподвижно, её каменная пасть была закрыта, язык — если он там вообще был — спрятан.

— Мадам, статуи не могут облизываться.

— Эта может! — Дама схватила подругу под руку. — Мы уходим. И больше никогда не вернёмся. Никогда!

Они ушли. Азалея осталась на тротуаре, чувствуя, как внутри закипает знакомая смесь ярости и — она ненавидела это признавать — невольного восхищения. Он сделал это снова. Он повернул её же оружие против неё. Она заняла его витрину — он выставил стража, который отпугивал её клиентов.

— Люк! — крикнула она, возвращаясь в лавку. — У нас есть книга по охранным артефактам?

— В разделе «Прикладная магия», кажется. А что?

— Мне нужно узнать, как отключают горгулий.

— Вы хотите... отключить её?

— Я хочу понять, как далеко он зашёл, — ответила Азалея, уже роясь на полке. — И как далеко могу зайти я.

Она нашла книгу — «Охранные артефакты: от каменных стражей до зеркальных ловушек» — и погрузилась в чтение. Ответ нашёлся на странице 134: «Горгульи-стражи активируются голосовой командой хозяина и реагируют на угрозы, реальные или мнимые. Отключение возможно только через прямое прикосновение хозяина или через контрзаклинание четвёртого уровня, которое у неподготовленного мага может вызвать... неприятные последствия».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.